

СИМВОЛ

Символ (от греч. σύμβολον — знак, примета) — один из видов тропов — слов, которые получают в художественном тексте кроме своих основных (словарных, предметных) значений еще и новые (переносные). Символ, подобно аллегории и метафоре, образует свои переносные значения на основе того, что мы ощущаем родство, связь между тем предметом или явлением, которые обозначаются каким-то словом в языке, и другим предметом или явлением, на которые мы переносим это же словесное обозначение. Например, «утро» как начало суточной активности может сопоставляться с началом человеческой жизни. Так возникают и метафора «утро жизни», и символическая картина утра как начала жизненного пути:

В тумане утреннем неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам.

(В. Соловьев)

Однако символ коренным образом отличается и от аллегории, и от метафоры. Прежде всего тем, что он наделен огромным множеством значений (по сути дела — неисчислимым), и все они потенциально присутствуют в каждом символическом образе, как бы «просвечивая» друг сквозь друга. Так, в строках из стихотворения Блока «Ты была светла до странности...»:

Я твоей любовной ласкою
Озарен — и вижу сны.
Но, поверь, считаю сказкою
Небывалый знак весны

«весна» — это и время года, и зарождение первой любви, и начало юности, и наступающая «новая жизнь» и многое другое. В отличие от аллегории символ глубоко эмоционален; чтобы его постичь, необходимо «вжиться» в настроение текста. Наконец, в аллегории и в метафоре предметное значение слова может «стираться»: иногда мы его почти не замечаем (так, при упоминании в литературе XVIII века Марса или Венеры мы часто почти не вспоминаем живо обрисованных персонажей античных мифов, а знаем лишь, что речь идет о войне и о любви. Метафора Маяковского «дней бык пег» рисует образ пестрых дней человеческой жизни, а не образ быка пятнистой масти).

Формальное отличие символа и метафоры в том, что метафора создается как бы «на наших глазах»: мы видим, какие именно слова сопоставлены в тексте, и потому догадываемся, какие их значения сближаются, чтобы породить третье, новое. Символ может входить и в метафорическое построение, но оно для него не обязательно. Мы опознаем символику «зари» и в метафоре «на заре туманной юности», и в тексте, где метафоризм ослаблен:

И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

(А. С. Пушкин)

и в совсем не метафорическом по своему строению тексте:

Ты помнишь первую любовь
И зори, зори, зори?

(А. А. Блок)

Откуда же берется символический смысл образа? Основная особенность символов в том, что они, в своей массе, возникают не только в тех текстах (или тем более в частях текста), где мы их находим. Они имеют историю длиной в десятки тысяч лет, восходя к древним представлениям о мире, к мифам и обрядам. Определенные слова («утро»,

«зима», «зерно», «земля», «кровь») с незапамятных времен запечатлелись в памяти человечества именно как символы. Такие слова не только многозначны: мы интуитивно чувствуем их способность быть символами. Позднее эти слова особенно привлекают художников слова, включающих их в произведения, где они получают все новые значения. Так, Данте в своей «Божественной комедии» использовал все многообразие значений слова «солнце», которое восходило к языческим культам, а затем к христианской символике. Но он создал и свою новую символику «солнца», которая затем вошла в «солнце» у романтиков, у символистов. Таким образом, символ приходит в текст из языка многовековых культур, привнося в него весь багаж своих уже накопленных значений.

Поскольку значений у символа неисчислимо много, он оказывается способным «отдавать» их по-разному: в зависимости от индивидуальных особенностей читателя.

Не все символы в литературе имеют столь длинную историю. Многие из них заново построены по образцу общекультурных символов. Таковы, например, символические названия многих реалистических произведений XIX века: «Мертвые души» Гоголя, «Обрыв» Гончарова, «Фальшивый купон» Л. Толстого и др.